

А. Деци

**ЭСТОНСКИЕ ВКРАПЛЕНИЯ  
В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ  
ЖИТЕЛЕЙ ЭСТОНИИ**



Проявление эстонского влияния на язык русскоязычного населения Эстонии во многом уже описано. Эстонские вкрапления анализируются и систематизируются с разных точек зрения и на разном материале (разговорная речь, жаргон, диалекты, реклама, публицистические тексты и др.). Однако изучено оно не полностью, особенно на основе материала сетевого общения, дающего представление о живых процессах и актуальных вопросах. Настоящая статья – часть более широкого исследования, в котором планируется сопоставить функции иноязычных вкраплений в интернет-дискурсе русскоязычных диаспор Италии и Эстонии. В данной статье рассматривается влияние эстонского языка на русскую речь в Эстонии, проявляющееся в разных видах эстонских вкраплений. Дается общая характеристика собранного на данный момент материала, представляется формальное и тематическое распределение эстонских вкраплений, обнаруженных в интернет-комментариях. Более детально рассматриваются две функции, выполняемые вкраплениями, а именно: 1) функция идентифицирующей референции и 2) функция образности речи. Материал для анализа собран с разных форумов и из групп общения соцсети Фейсбук. Анализ его показывает частотность в нем эстонских вкраплений. Большое их количество касается бюрократическо-административной сферы, показателей пространства и времени. Подобные вкрапления часто осуществляют идентифицирующую референцию. Более длинные вставки эстонских единиц, как правило, являются очевидными или скрытыми цитатами и выполняют функцию образности речи. Изучение влияния эстонского языка на интернет-дискурс русской диаспоры Эстонии будет способствовать пониманию некоторых формальных и функциональных аспектов эстонского языка, как, например, его морфологических и синтаксических свойств, значимых с точки зрения их адаптации в русской речи, и семантико-прагматических значений определенных эстонских слов и иных единиц. Данное исследование вносит свой вклад и в разработку проблем, связанных с языковыми контактами в целом.

*Ключевые слова:* языковые контакты, интернет-язык, переключение кода, эстонские вкрапления.

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-2-331-342

**Введение**

Влиянию эстонского языка на речь русскоязычного населения Эстонии посвящены многочисленные исследования, авторы которых рассматривают разные аспекты языка диаспоры. Наиболее очевидно это влияние прослеживается на уровне графики, лексики и синтаксиса [Костанди 2013, 15], особенно в виде вкраплений, заимствований, переключения кода, текстов билингва [Костанди 2018, 100]. Результатом иноязычного влияния на речь русскоязычных в Эстонии являются также кальки, полукальки и «кальки-буквализмы» как переводы эстонских сложных слов и словосочетаний [Кюльмоя 2009, 21–22], которые тоже можно рассматривать своего рода иноязычными вкраплениями. Особый вид калек эстонских единиц – это устойчивые атрибутивные словосочетания, часто семантически и формально правильные, однако воспринимаемые как «не совсем русские» [Костанди 2012, 107]. Эстонское культурно-языковое

пространство воздействует на русский язык и более «косвенно», способствуя формированию «скрытых» особенностей языка диаспоры, как, например, характер и средства оценки, некоторая специфика языковой рефлексии, пространственно-временной локализации и др. [Костанди 2013, 15]. Как показывают исследования, эстонскому влиянию подвергаются все сферы коммуникации русскоязычных в Эстонии. Их «эстонская специфика» проявляется в устной повседневной речи, в сленге молодежи, в русских говорах Эстонии [Кюльмоя 2004], в речи на телевидении [Евстратова 2011], в письменных текстах разного рода – от рекламы до публицистических, учебных и научных текстов [Костанди 2008, 191].

Влиянию государственного языка подвергается, конечно, и интернет-коммуникация русскоязычных жителей Эстонии, остающаяся до сих пор малоисследованной. Многие авторы обращали внимание на специфику интернет-дискурса, формирующуюся под воздействием особенностей виртуального пространства. Интернет-среда, обладающая такими характеристиками, как интерактивность, гипертекстуальность, анонимность и креативность [Асмус 2005, 20–22], является «катализатором» множества языковых процессов, осуществляющихся в ней и вне ее. В Интернете пользователи, как правило, стараются выразиться по-новому, оригинально и экспрессивно [Асмус 2005, 19], что ведет к формированию своеобразного стиля общения, направленного на то, чтобы завладеть вниманием собеседника. Специфика интернет-среды приводит к возникновению новых коммуникативных форм, характеризующихся нарушением всевозможных табу, языковых и культурных [Кронгауз 2013, 23]. В частности, данные явления актуализируются в многоязычном интернет-общении, изучение которого – актуальная задача современной лингвистики. На основе анализа интернет-дискурса разных диаспор в настоящее время исследуются такие аспекты, как выбор языка, гендерные особенности, вопросы глобализации и самоидентификации [Danet and Hering 2007].

Исследование интернет-общения русскоязычной диаспоры Эстонии, являющееся частью более широкой сопоставительной работы по анализу иноязычных вкраплений в речи диаспор, позволит нам определить социокультурное и языковое воздействие эстонского окружения на виртуальную коммуникацию русскоязычных Эстонии в целом, а в частности, описать функции эстонских вкраплений и рассмотреть специфические формальные, функциональные и когнитивные аспекты двуязычного интернет-дискурса. Как отмечалось выше, эта область до сих пор изучена лишь фрагментарно. Попытка формального и функционального описания эстонско-русского и русско-эстонского переключений кода (далее ПК) на материале соцсети Фейсбук предпринималась в бакалаврской работе Д. Аронии [Арония 2014], где были выделены три основных вида его переключения: 1) вставка слова или словосочетания, 2) переключение на уровне предложения, 3) переключение на уровне текста. Предложенные автором функциональные варианты ПК следующие: 1) использование этикетных форм, 2) выражение доброжелательности и солидарности, 3) выражение сарказма, недовольства, иронии [Арония 2014, 52–53].

Способы включения эстонских вкраплений в интернет-дискурсе русскоязычных блогеров Эстонии рассматривает А. Вершик [Verschik 2016], подчёркивая важность изучения языковых процессов, происходящих в интернет-языке диаспоры. Исследователь анализирует эстонские вкрапления в рамках теории *Code copying framework* [Verschik 2016, 186] и делает вывод о том, что эстонские единицы со специфическим значением копируются в русском языке полностью, в то время как единицы с менее специфическим значением, тяготеющие к интернационализмам, как правило, копируются только частично. Исследователь предполагает, что существует тесная связь между семантикой и степенью копирования лексем [Verschik 2016, 204]. А. Вершик анализирует также метаязыковую способность русских блогеров Эстонии [Verschik 2017] и выделяет девять функций комментариев, в которых можно наблюдать вкрапления и эстонского языка. Это – объяснение эстонского языка иностранцам, выявление выбора языка и языковой компетентности, внесение эстонского вкрапления и его комментирование, сравнение русского языка Эстонии с русским языком России, обсуждение формальных аспектов эстонского языка, заполнение лексических лакун в русском языке, специальное маркирование морфологических средств эстонского языка, намеренное насыщение текста эстонскими вкраплениями.



Итак, эстонские вкрапления в русскоязычном интернет-дискурсе привлекали внимание исследователей. В настоящей статье центром внимания будут эстонские вкрапления в различных сегментах интернет-коммуникации. Мы предполагаем, что присутствие эстонских вкраплений в интернет-дискурсе русскоязычных Эстонии способствует реализации и ряда других функций. Ниже будут даны общая характеристика собранного материала, а также формальное и тематическое описание вкраплений. Особое внимание будет уделено двум функциям вкраплений, выполняемых ими в интернет-дискурсе русскоязычных Эстонии: 1) функция идентифицирующей референции и 2) функция изобразительности речи.

### Анализируемый материал

Материалом для исследования послужили около 200 комментариев с разных эстонских форумов и из групп общения в Фейсбуке, представленных в таблице 1. Темы обсуждения на форумах и в группах общения в Фейсбуке разнообразны. В зависимости от конкретной цели в группах обсуждаются проблемы, связанные со здоровьем детей, политические, бюрократические, школьные вопросы, покупка / продажа товаров и др. Материал для анализа собран методом сплошной выборки и отбора отдельных примеров.

Таблица 1

#### Источники анализируемого материала

Группы общения Фейсбука	Форумы
1. Мамы и их семьи города Тарту	1. Postimees.ee
2. Мамы Тарту	2. Delfi.ee
3. Куплю-продам Пярну	3. Forum.ee
4. Наш Таллинн	4. Forum.honda-club.ee
5. Русскоязычный Таллинн	5. Stena.ee
6. TallinnOpen (досуг в Таллине)	6. Eva.ru
7. Ээсти 200 (долгосрочный план)	

#### Общая характеристика эстонских вкраплений: формальное описание и тематическое распределение

В нашем материале эстонские вкрапления регулярны, разнообразны по форме и степени развернутости, написаны кириллицей и латиницей. К иноязычным вкраплениям мы отнесли эстонские единицы разного вида, например, отдельные буквы, морфемы, слова, словосочетания, целые предложения, примеры\* которых приведены ниже:

##### **Буква (фонемный уровень):**

(1) *Spasibo za otvet! To est esli mõ hotim naprimer garderoob zakazat, to oni prijedut na mesto, plan vmeste obsudim, zamerõ snimut i potom prishljut tsenovoje predlozjenije?*

[õ: буква эстонского алфавита, обозначает звук [ɤ], воспринимаемый на слух как нечто среднее между «о» и «ы».]

(2) *Газопровод надо проложит по сустве таак примеерно: эстония - латвия – [...] - шветсаариа- пранцузмаа - болсая британия потом беелгия и поотом узе саксамаа так экологично будет и политически не мотивировано, германцы получат фигу*

[*Болсая британия* – от эстонского «Suurbritannia»: 'Великобритания' («suur»: 'большой'), калькирование эстонского названия страны. *Болсая* = большая – имитация эстонского произношения русского шипящего. *Саксамаа* – от эстонского «Saksamaa»: 'Германия'. *Узе* = уже – имитация эстонского произношения шипящего. *Политически* = политически – имитация эстонского произношения шипящего. Двойные гласные (*таак, примеерно* и т.п.) – имитация эстонского произношения гласных, имеющих три долготы, что часто на письме передается двойными буквами.]

\* Во всех примерах сохранено написание оригинала.

**Морфема (морфемный уровень):**

(3) *Прав будет тот, кто больше отмаксует*  
[отмаксует – от эстонского глагола «maksma»: 'платить'.]

**Слово (лексемный уровень):**

(4) *Добрый день, не подскажете какие ластехойды есть в Ласна на месяцок?! Ребенку 3,5. Желательно рекомендации основанные на личном опыте. Спасибо.*  
[ластехойды – от эстонского существительного «lastehoidja»: 'няня'. Ласна – см. пример 9.]

**Словосочетание (лексемный уровень):**

(5) *Там написано, что это rõhiline suhtluskeel. если умеешь по-эстонски свободно общаться, как по-русски общаешься, то возьмут без проблем, я полагаю*  
[rõhiline suhtluskeel: 'основной язык общения'.]

**Предложение (синтаксический уровень):**

(6) *Ну вот, - Хороший русский язык от эстонца. Русские, которые эстонский выучили, тоже могут неплохо ответить! Суу кинни пыдера муннь, я мине минема...*  
[Суу кинни пыдера муннь, я мине минема – от эстонского «Suu kinni, põdera munn, ja mine minema»: 'Закрой рот, põdera munn, и уходи'. Пыдера – генитив от эстонского «põder»: 'лось', прозвище, употребляемое русскими по отношению к эстонцам с негативной коннотацией. Муннь – от эстонского «munn»: оскорбительное слово.]

Собранный на данный момент материал не показал большого числа вкраплений на морфемном уровне, однако значительное количество эстонских вкраплений встречается на лексемном и на синтаксическом уровнях – это в основном слова, словосочетания и предложения. Очень интересными представляются вкрапления на фонемном уровне, что наблюдается в примерах (1) и (2). В первом – сообщение пишется латиницей. Для передачи русской буквы *ы* используется эстонская буква *õ*, обозначающая фонему [ɤ], качественно отличающуюся от фонемы [i], обозначаемой русской буквой. Пример (2) мы рассматриваем как случай передачи эстонского акцента. Пишущий осуществляет это намеренно, искажая русские слова так, чтобы передать некоторые фонетические свойства эстонского языка, например, степень долготы гласного (см. *Шветсаария*) и отсутствие в исходно эстонских словах фонем, передаваемых русскими буквами *ш* (см. *болсая*), *ж* (см. *узе*), и *ч* (см. *политицески*).

С содержательной точки зрения вкрапления разнообразны, однако можно выделить основные тематические группы. На основе собранного материала можно назвать следующие семь групп эстонских вкраплений. Ниже данные группы представлены по убывающей, в скобках указано количество обнаруженных вкраплений:

- характеристики человека (57): 1) национальность или косвенная отсылка к ней, 2) профессия, 3) гендер;
- пространство (39);
- бюрократическо-административная сфера (32);
- язык (28);
- торгово-деловая сфера (23) (товары, фирмы, брэнды, кампании, услуги и. т.д.);
- этикет (18);
- время (12);
- действия (9).

Данное распределение несколько условно, так как некоторые вкрапления, в зависимости от их семантических и прагматических признаков, могут входить в несколько групп. Ниже дано тематическое распределение примеров, в скобках; в случае написания вкраплений кириллицей приводится соответствующее эстонское слово или словосочетание.

**Характеристики человека:**

1) *Ээстлане* (eestlane): 'эстонец', *венелане* (venelane): 'русский', *тибла* / *tiblasosõ* / *эстиблонский* / *у эстиблонов*: оскорбительные слова, производимые от эстонских слов (*tibla*, *eesti*), употребляемые по отношению к человеку, *мууласед* (muulased): 'чужестранец', *талибанит* (talibanid): 'талибаны', *пагулане* (pagulane): 'беженец'.

2) *Переарст* (perearst): 'семейный врач', *ыде* (õde): 'медсестра', *ластехойды* (lastehoidjad): 'няни', *теениндая* (teenindaja): 'поставщик услуг'.

3) *Тюдрук* (tüdruk): 'девушка', *пойс* (poiss): 'парень'.

**Пространство:**

*Саксамаа* (Saksamaa): 'Германия', *Лееду* (Leedu): 'Литва', *Поола* (Poola): 'Польша', *инва-wc* / *инва-туалет*: 'туалет для инвалидов', *инфолет* (infolett): 'информационный пункт', *Лоодусе кообас* / *Anne 51* / *в lõunake* / *в eedene* / *в Ласна* (Lasnamäe) / *Каубамая* (kaubamaja): ряд урбанонимов, непереводаемых в условиях диаспоры.

**Бюрократическо-административная сфера:**

*в эхитусрегистре* (ehitusregister): 'реестр зданий', *касутуслуба* (kasutusluba) 'разрешение на использование', *ид-карта* / *карточка* (id-kaart): 'идентифицирующая карточка', *в киннитус регистре* (kinnitusregister): 'регистр подтверждения', *аруанне* (aruanne): 'отчет', *тыенд* (tõend): 'сертификат', 'справка', *киндлустус* (kindlustus): 'страхование', *максуамет* (maksuamet): 'налоговый департамент', *палка пяев* (palgapäev): 'день зарплаты'.

**Торгово-деловая сфера:**

*Тарбекаубад* (tarbekaubad): 'товары широкого потребления', *järelteenindus* 'послепродажное обслуживание', *Картулид* (kartulid): 'картофель', *рõnnidisko* / *kõõgimaailm* / *е-поод* / *е-магазин*: ряд товаров, названий фирм и услуг, непереводаемых в условиях диаспоры.

**Язык:**

*Ээсти кеел* / *кеель* (eesti keel): 'эстонский язык', *омастав* / *осастав*: падежи эстонского языка, *кыргтасе* (kõrgtase): 'высший уровень', *алгтасе* (algtase): 'начальный уровень', *пыхилине кеел* (põhiline keel): 'основной язык', *рõhiline suhtluskeel*: 'основной язык общения'.

**Этикет:**

*Нягемист* (nägemist): 'до свидания', *палун* (palun): 'пожалуйста', *тере пяеваст* (terepäevast): 'добрый день'.

**Время:**

*Янипяев* (Jaanipäev): 'Иванов день', *лаупяев* (laupäev): 'суббота', *хуллуд пяевад* (hullud päevad): 'сумасшедшие дни', торговая акция скидок.

Содержательная сторона вкраплений, конечно, пересекается с функциональной (оценить, указать на место, время, попрощаться, поздороваться и т.д.). При классификации иноязычных вкраплений еще Д. Э. Розенталь отмечал, что они выполняют ряд функций. Во-первых, вкрапления способствуют передаче соответствующих понятий и созданию местного колорита; во-вторых, они часто являются «средством сатиры для высмеивания людей» и «иронической речевой характеристики действующего лица» [Розенталь 1974, 80–81, цит. по: Норлусенян 2010, 64], что наблюдается и в выделенных нами функциях эстонских вкраплений в интернет-дискурсе русскоязычных жителей Эстонии. Описание частных функций – цель дальнейшего анализа, в данной статье остановимся на двух наиболее частотных функциях – функции идентифицирующей референции и функции изобразительности речи. Рассмотрим некоторые примеры проявления каждой функции.

**Функция идентифицирующей референции:**

(7) *Посмотрели в эхитусрегистре, а там еще нет касутуслуга на наш дом :) это нормальная практика, сдавать дом, не имея разрешения? Есть резон паниковать? Новый дом на Põõrise.*

[в эхитусрегистре – от эстонского «ehitusregister»: ‘реестр зданий’; касутуслуга – от эстонского «kasutusluba»: ‘разрешение на использование’; Põõrise: название улицы.]

(8) *Поделитесь плизззз кто как встречает Янипяев, праздник на носу, а идей и информации ноль.*

[Янипяев – от эстонского «Jaanipäev»: ‘Иванов день’.]

(9) *Кстати, как-то тут кипело все по поводу эстонцев в Ласнагорске, так вот на удивление... бываю в одном доме новом 4х этажном на Паепарги, там одни эстонцы и иностранцы... хозяйка квартиры шутит, мол они ниче не попутали?*

[в Ласнагорске – от эстонского названия района «Lasnamäe», где «mäe» генитив от эстонского «mägi»: ‘гора’.]

(10) *Смотрю в Ласна редкостные дебилы живут - из-за одной машины 2 ни в чём не повинные сжигать! Или шведский вариант решили повторить? Ну видно кого ласнамяесцы за пример берут.*

[см. пример 9.]

Функция идентифицирующей референции обусловлена необходимостью «предельно точно исполнить [...] функцию номинации, безошибочно осуществить референцию к искомому объекту» [Николаева 2014, 106]. Это частично вытекает из «необходимости номинации новых реалий и понятий» и детализации последних [Кюльмоя 2009: 17], из потребности экономии коммуникативных усилий, что и наблюдается в приведенных примерах. Так, в (7) эстонские слова эхитусрегистр и касутуслуга употребляются с целью безошибочной идентификации. Данные вкрапления указывают на специфические документы, действующие в законодательстве Эстонии при строительстве зданий. Перевод данных названий на русский язык не только мог бы оказаться неточным, но осложнил бы взаимопонимание коммуникантов. Употребление эстонского вкрапления позволяет установить быструю ассоциацию с явлением или предметом, т.к. употребление оригинального названия вызывает ассоциации с оригинальным контекстом, позволяя говорящему импортировать представление о соответствующей обстановке прямо в контекст происходящего разговора [Matras 2009, 107]. При этом также заполняются понятийные и культурные лакуны, уточняются и разграничиваются значения [Николаева 2014, 106]. В (8) эстонским вкраплением Янипяев определяется и уточняется данная реалия, эффективно передается специфика эстонского праздника, вызывающая множество социокультурных ассоциаций. В нашем материале идентифицирующая референция чаще всего выполняется вкраплениями, связанными с пространством, временем, с бюрократическо-административной и торгово-деловой сферами.

Особого внимания заслуживают эстонские вкрапления, касающиеся пространства. Топонимическая лексика отличается от общей тем, что слово обладает «повышенной связью имени с культурно-историческим фоном, на котором оно возникло» [Суперанская 1985, 164]. Географические объекты выделяются по их физическим свойствам и по роли в жизни человека [Суперанская 1984, 12]. Можно предположить, что при выполнении функции идентифицирующей референции, осуществляемой с помощью таких вкраплений, как в примерах (9), (10), дополнительно выделяются значимые для русскоязычного населения географическо-пространственные объекты, связанные с социокультурными особенностями общества. В частности, в нашем материале часто встречается наименование района Таллина Ласнамяэ в разных вариантах, как видно из примеров (9) Ласнагорск и (10) Ласна. Район известен тем, что в нем проживает преимущественно русское население. Название данного района характеризует также человека, как в (10) ласнамяесцы, и довольно часто появляется в оценочных контекстах. Замена эстонского тәе русским -горск в последней части урбанонима указывает на тесную социокультурную связь с русским населением. Подобные географические наименования, отличающиеся от оригинальных, уже закреплены в речевом узусе русскоязычного населения Эстонии [Соколова 2013,

20] и осуществляют функцию идентифицирующей референции в рамках интернет-дискурса русскоязычного населения. Географические названия, в частности неофициальные, «опосредованы ассоциативным характером человеческого мышления» [Квашина 2009, 146], при этом они часто подвергаются многочисленным переосмыслениям в связи с их включением в разные системы [Суперенская 1973, 187]. Включение в систему русского языка и обыгрывание подобных топонимов в интернет-дискурсе русскоязычных Эстонии способствует возникновению дополнительных признаков в их семантике и прагматике. На наш взгляд, в этих случаях дополнительные признаки участвуют в формировании системы городских стереотипов, «которая позволяет нам жить в режиме автопилота» [Ведрева 2002, 100]. Таким образом, данные урбанонимы, выполняя функцию идентифицирующей референции, служат особыми ориентирами в пространстве города [Паликова 2013, 86].

Сказанное позволяет предполагать, что функция идентифицирующей референции является основой и предпосылкой для ориентирующей функции иноязычных вкраплений в интернет-коммуникации диаспоры, о которой речь в данной статье не будет идти. Подтверждение данной гипотезы требует дальнейшего сбора материала и исследования вопроса.

### **Функция изобразительности речи**

Как отмечает И. П. Кюльмоя, эстонские вкрапления в речи русскоязычных жителей Эстонии иногда представляют собой цитацию, «говорящие включают их в свою речь обычно сознательно, при этом как-то отмечая такое использование» [Кюльмоя 2009, 17]. В нашем материале очень часто эстонские вкрапления представляют собой целые высказывания, которые выступают в виде явных и скрытых цитаций. Подобные вкрапления, в большинстве своем, являются способом передачи «чужих голосов». Данная функция многослойна, она содержит ряд характеристик, которые чаще всего осуществляются одновременно, а именно:

#### **– характеристика речи:**

(10) *Однажды обратился к эстонцу по-эстонски. Он вроде бы и понял, но ответил так: «Каварии на нормаальном языке, б\*\*».*

[*Каварии* = говори – обыгрывание эстонского произношения, отражающее отсутствие в эстонском языке оппозиции звонких и глухих согласных и, напротив, наличие долгих гласных. *На нормаальном* = на нормальном – обыгрывание эстонского произношения, отражающее долготу гласных в эстонском языке, *язык* = язык – регулярное неразличение эстонцами русских твердых и мягких согласных.]

(11) *А ыврапейские заканчиваются, вот и хотят Россию растрести на 250 млрд. долларов [ыврапейские = европейские – обыгрывание эстонского звука [ɣ], обозначаемого буквой õ в эстонском алфавите.]*

(12) *Сдавал экзамен по этому самому важному в мире языку, имею категорию «Е», а теперь должен перездавать снова - задолбали вы TIBLASOSÕ, кстати, кто может сказать, как долго будет действовать это новое удостоверение на знание языка?*

[*TIBLASOSÕ* – от эстонского «tibla» + русское «-сосы»: оскорбительное слово, употребляемое эстонцами по отношению к русским.]

В приведенных примерах описывается чья-то речь, осуществляется стремление передать коммуникативную тональность и тембральные характеристики цитируемой своей или чужой речи [Гольдин, Крючкова 2008, 398]. Это выполняется чаще всего вкраплениями, проявляющимися, как было отмечено выше, на фонемном уровне. Интересными представляются случаи, в которых пользователи воспроизводят и обыгрывают эстонскую букву «õ» и соответствующий звук, как в примере (11). По мнению А. Вершик, буква õ – отличительный признак эстонского языка, его использование среди русскоязычных блогеров Эстонии показывает глубокое понимание как межкультурной разницы, так и эстонской истории культуры [Verschik 2017, 22].

#### **– характеристика говорящего:**

(13) *Пацанчик лет 18, приехал со своей шкуррой, вся такая на понтах, на каблуках, сидит жопой уже ровняет салон. И говорит своему епырю: Кууле, каллис, вытаме седа, сиин он нии*

мугав я ваикне (*Райво, любимый, возьмем, тогда мои родаки поймут что ты перспективный паря, и отец больше в зад солью стрелять не будет когда ты по утрам убегаешь с нашего хутора. Да и ногти красить тут на ходу можно*)

[Кууле, каллис, вытаме седа, сиин он ни мугав я ваикне – от эстонского «Kuule kallis, võtame seda, siin on nii mugav ja vaikne»: ‘Слушай, дорогой, берем это, здесь так удобно и тихо’.]

Как показывает пример (13), при воспроизведении чужой речи мы получаем некоторую имплицитную информацию о говорящем, о его манере общения, поведении, о его мировидении и ценностях. В данном комментарии пользователь играет с «переводом» эстонской цитаты, приведенным им в скобках, т.е. интерпретирует сказанное. Это, по нашему мнению, является особым видом метаязыкового комментария, который характеризует говорящего.

– **характеристика оценочного высказывания:**

(14) “Kui Venelased natuke austaksid keelt ja maad, kus nad elavad, siis ei oleks neil millegiga probleeme...”

:)))))))))

*Давно не слышал ничего более забавного. По-русски это называется «врать» :) ну, или вообще ничего не понимать в том, что происходит, Dear Meryli*

[Kui Venelased natuke austaksid keelt ja maad, kus nad elavad, siis ei oleks neil millegiga probleeme: ‘Если бы русские уважали немного язык и землю, где они живут, тогда у них не было бы ни с чем проблем.’]

(15) *В Вильнюсе похоже, а в целом чего тут - эстония дыра с любой стороны скучная серая с кучкой озлобленных националистов кричащих ряги еести кеел - как будто с утра их не кормили))*

[*ряги еести кеел* – от эстонского «gräägi eesti keelt»: ‘говори по-эстонски’.]

Из анализа примеров (14) и (15) следует, что с помощью «скрытой» или «открытой» цитации передается оценка, ироническое отношение участника интернет-общения к содержанию цитируемой речи.

Осуществление функции изобразительности речи – форма маркированной речи, при которой «говорящий помещает себя «на некоторой дистанции от того, что он говорит» [Вепрева 2002, 80]. Это – процесс «скрытого» или «открытого» воспроизведения «чужих слов», где всегда добавляется субъективный компонент и «выражается отношение к предмету сообщения» [Пилипенко 2017, 37].

### Результаты исследования

Обобщая результаты исследования, можно отметить некоторые тенденции. В нашем материале часто встречаются эстонские вкрапления, они могут проявляться в виде отдельных букв, слов, словосочетаний и целых предложений. Вкрапления касаются разных аспектов жизни русскоязычных жителей Эстонии. Большое количество вкраплений относится к пространству и к бюрократическо-административной и торгово-деловой сферам. Чаще всего эти вкрапления выполняют функцию идентифицирующей референции. Вкрапления в данной функции могут служить основой для последующей ориентирующей функции. Эстонские вкрапления могут представлять собой целые предложения, которые часто проявляются в виде «открытых» и «скрытых» цитаций, таким образом осуществляется функция изобразительности речи, посредством которой характеризуются речь, «цитируемый» говорящий и оценивается определенная (речевая) ситуация. Более глубокое исследование затронутых вопросов и аспектов на основе более крупного корпуса позволит нам уточнить результаты данного анализа.

### Заключение

К настоящему времени влияние эстонского языка на интернет-дискурс русскоязычных жителей Эстонии было исследовано лишь частично. Рассматривались некоторые общие функции русско-эстонского и эстонско-русского переключения кода [Арония 2014], а эстонские вкрапления были преимущественно рассмотрены с формальной точки зрения в рамках теории *Code*



*copying framework* [Verschik 2017]. Изучение прагматических и когнитивных аспектов влияния эстонского языка в интернет-коммуникации русскоязычной диаспоры – передача оценочных значений, метаязыковых единиц, частных функций эстонских вкраплений – только начинается. Анализ языковых процессов, осуществляющихся в интернет-языке русскоязычных жителей Эстонии, позволит определить, какие повседневные темы привлекают значительное число вкраплений, и то, как данные вкрапления осваиваются с формальной и когнитивной точками зрения. Это в целом поможет понять, как эстонское окружение и эстонский язык участвуют в формировании (языковой) картины мира русскоговорящих Эстонии. Поскольку интернет-язык во многом отражает языковые процессы, происходящие в разговорной речи, изучение интернет-дискурса русскоязычной диаспоры Эстонии способствует осмыслению этих процессов и того, как они фиксируются в естественной письменной речи.

#### ЛИТЕРАТУРА

*Арония Д.* Переключение кода в языке диаспоры (на материале текстов социальной сети Фейсбук). Тарту, 2014 [Эл. ресурс]. URL: [http://dspace.ut.ee/bitstream/handle/10062/43843/D\\_Aronia\\_2014.pdf](http://dspace.ut.ee/bitstream/handle/10062/43843/D_Aronia_2014.pdf). (дата обращения 31.05.2017).

*Асмус Н. Г.* Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: дис. канд. фил. наук. Челябинск, 2005. 265 с.

*Вепрева И. Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 380 с.

*Евстратова С. Б.* Речевые особенности русскоязычных телепередач в Эстонии // *Humaniora: Slavica Tartuensia IX*. Tartu: University of Tartu Press, 2011. С. 398–408.

*Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю.* Текст и знание в диалектной коммуникации // *Материалы и исследования по русской диалектологии*, М.: Наука, 2008. Кн. 3 (9). С. 398–413.

*Квашина Е. Н.* Особенности микротопонимии уральского города, 2009 [Эл. ресурс]. URL: [http://www.terrahumana.ru/arhiv/09\\_03/09\\_03\\_19.pdf](http://www.terrahumana.ru/arhiv/09_03/09_03_19.pdf) (дата обращения 12.01.2019).

*Костанди Е. И.* Язык русской диаспоры Эстонии в исследованиях студентов-русистов Тартуского университета // *Acta et comentationes collegii Narovensis. Tartu Ülikooli Narva kolledži toimetised. IX (1) // Multikultuurilise hariduse aktuaalsed küsimused kaasaegses ühiskonnas: pedagoogiline teooria ja praktika // Актуальные вопросы мультикультурного образования в современном обществе: педагогическая теория и практика*. Narva: University of Tartu Press. 2008. С. 189–196.

*Костанди Е. И.* Прагматика атрибутивных словосочетаний: проблема перевода // *VALODA - 2012. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums. XXII. Daugavpils: Daugavpils University Academic Press "Saule", 2012. С. 104–109.*

*Костанди Е. И.* Русский язык в современной Эстонии: функционирование, изучение, специфика // *Слово.ру: Балтийский акцент*. 2013. № 4 (1). С. 7–23.

*Костанди Е. И.* Дискурсивные практики русской диаспоры Эстонии: языковые контакты // *Слово.ру: Балтийский акцент*. 2018. № 9 (3). С. 94–107.

*Кронгауз М. А.* Самоучитель олбанского, 2013 [Эл. ресурс]. URL: <http://bit.ly/2npdidk> (дата обращения 31.05.2017).

*Кюльмоя И. П.* О влиянии эстонского языка на говоры Западного Причудья // *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии I*. Tartu: University of Tartu Press, 2004. С. 155–159.

*Кюльмоя И. П.* Речь русской диаспоры Эстонии: тенденции развития // *Humaniora: Lingua Russica. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII*. Tartu: University of Tartu Press, 2009. С. 11–28.

*Николаева Ю. В.* Переключение кодов в речи современной русскоязычной диаспоры в Италии // *Вестник Череповецкого государственного университета* 2014. № 3 (56). С.104–107.

*Нордусенян В. С.* Иноязычные вкрапления: современное состояние проблемы // *Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого*. 2010. № 57. С. 63–66.

*Паликова О. Н.* Неофициальная географическая лексика как лингвистический признак территориальной общности людей (на материале городского сленга и островного говора) // *Acta Slavica Estonica III. Slavica Tartuensia X. Славистика в Эстонии и за ее пределами*. Tartu: University of Tartu Press, 2013. С. 84–97.

Пилипенко Г. П. Языковая и этнокультурная ситуация воеводских венгров: Взгляд «изнутри» и «извне». М.–СПб.: Нестор-История, 2017. 335 с.

Соколова О. Русская неофициальная урбанонимия города Тарту. Тарту, 2013 [Эл. ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/26849843-Russkaya-neoficialnaya-urbanonimiya-goroda-tartu.html> (дата обращения 02.01.2019).

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 224 с.

Суперанская А. В. Основные линии топонимической номинации // Топонимика в региональных географических исследованиях: тез. докл. всесоюз. конф. М.: МФГО, 1984. С. 12–15.

Суперанская А. В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1985. 185 с.

Danet B., Herring S. C. The Multilingual Internet: Language, Culture and Communication Online. Oxford: Oxford University Press, 2007. 460 с.

Matras Y. Language contact. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 384 с.

Verschik A. Mixed copying in blogs: evidence from Estonian Russian language contact // Journal of language contact. 2016. № 9. С. 186-109.

Verschik A. Metalinguistic comments and multilingual awareness: Estonian-Russian language contacts in Blogs // Applied Linguistic Review. 2017. № 0049. С. 1–27.

Поступила в редакцию 14.02.2019

**Алессандра Деци,**

докторант

Тартуский университет

50090, Эстония, г. Тарту, ул. Лосси 3

e-mail: [alessandradezi@gmail.com](mailto:alessandradezi@gmail.com)

**A. Dezi**

### **Estonian items in the internet discourse of the Russian speaking population of Estonia**

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-2-331-342

The Estonian influence on the discourse of the Russian speaking population of Estonia has drawn the attention of many researchers. The insertion of elements of Estonian in the discourse of Russian speakers is analysed and systematised from different points of view. Research has been conducted on formal aspects of code switching and on more pragmatic language aspects on the basics of different material (e.g. spoken language, jargons and dialects, advertisements, journalistic texts). However, the influence of the Estonian language in the discourse of Russian speaking groups of Estonia has not been fully studied, especially with internet sources, which can give an idea of the currently relevant processes of spoken language. This paper is part of a larger research project in which we plan to compare the functions of foreign language items in the internet discourse of the Russian speaking population of Italy and Estonia. In this paper, however, the main focus is on the lexical content of Estonian insertions in the internet discourse of the Russian speaking population of Estonia and on two of its main functions. Namely, the identifying reference function and the figurative speech function. Data was collected from different forums and Facebook groups. The analysis of the collected material shows that the insertion of Estonian items occurs very frequently when the communicants discuss bureaucratic-administrative spheres, space, and time. Those Estonian insertions are very often used in order to clearly identify the object of their conversation. Longer insertions are often used within the figurative speech function, which conveys the characteristics of the speech, of the speaker and the evaluative characteristics. The study of the influence of the Estonian language on the internet discourse of the Russian speaking population of Estonia in the future will allow a deeper understanding of formal and functional aspects of the Estonian language, such as the morphological and syntactic features of the language and the semantic and pragmatic meaning of certain Estonian words and particles. Furthermore, this research will contribute to the study of the problems connected with language contacts.

*Keywords:* language contacts, internet language, code-switching, Estonian language insertions.

**Citation:** Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, vol. 13, issue 2, pp. 331–342. In Russian.

## REFERENCES

- Aroniya D.** *Pereklyuchenie koda v yazyke diaspory (na materiale tekstov sotsial'noi seti Facebook)* [Code switching in the language of diaspora (on the basis of texts of the social network Facebook)]. Tartu, 2014. URL: [http://dspace.ut.ee/bitstream/handle/10062/43843/D\\_Aronia\\_2014.pdf](http://dspace.ut.ee/bitstream/handle/10062/43843/D_Aronia_2014.pdf) (accessed 31 May 2017). In Russian.
- Asmus N. G.** *Lingvisticheskie osobennosti virtual'nogo kommunikativnogo prostranstva* [Linguistic features of the virtual communicative space]. Chelyabinsk, 2005. 265 p. In Russian.
- Danet B., Herring S. C.** *The Multilingual Internet: Language, Culture and Communication Online*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2007. 460 pp. in English.
- Evstratova S. B.** Rechevye osobennosti russkoyazychnykh teleperedach v Estonii [Speech features of Russian based TV programmes in Estonia] *Humaniora: Slavica Tartuensia IX* [Humanities: Slavistics of Tartu], Tartu, University of Tartu Press Publ., 2011. pp. 398–408. In Russian.
- Gol'din V. E., Kryuchkova O. Y.** Tekst i znanie v dialektnoi kommunikatsii [Text and knowledge in dialect communication] *Materialy i issledovaniya po russkoi dialektologii* [Materials and research in Russian dialectology], Moscow, Nauka Publ., 2008. Vol. 3 (9). pp. 398–413. In Russian.
- Kvashina E. N.** Osobennosti mikrotoponimii ural'skogo goroda [Features of the microtoponymy of a Ural town], 2009. URL: [http://www.terrahumana.ru/arhiv/09\\_03/09\\_03\\_19.pdf](http://www.terrahumana.ru/arhiv/09_03/09_03_19.pdf) (accessed 12 January 2019). In Russian.
- Kostandi E. I.** Yazyk russkoi diaspory Estonii v issledovaniyakh studentov-rusistov Tartuskogo universiteta [Language of Russian diaspora of Estonia in the Tartu University students' research] *Acta et commentationes collegii Narovensis. Tartu Ülikooli Narva kolledži toimetised. IX (1)* [Acts and comments of the Narva college. University of Tartu Narva College's acts] Multikultuurilise hariduse aktuaalsed küsimused kaasaegses ühiskonnas: pedagoogiline teooria ja praktika [Current issues of multicultural education in modern society] Aktual'nye voprosy mul'tikul'turnogo obrazovaniya v sovremennom obshchestve: pedagogicheskaya teoriya i praktika. [Current issues of multicultural education in modern society: pedagogical theory and practice], Narva, University of Tartu Press Publ., 2008. pp. 189–196. In Russian.
- Kostandi E. I.** Pragmatika atributivnykh slovosochetanii: problema perevoda [Pragmatics of attributive phrases: problems of translation] *VALODA – 2012. Valoda dažadu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums. XXII* [Language – 2012. Language in the context of different cultures. Collection of scientific articles XXII] Daugavpils, Daugavpils University, Academic Press “Saule” Publ., 2012. pp. 104–109. In Russian.
- Kostandi E. I.** Russkii yazyk v sovremennoi Estonii: funktsionirovanie, izuchenie, spetsifika [Russian language in contemporary Estonia: functions, research, specifics] Slovo. ru: Baltiiskii aktsent [Slovo.ru: Baltic accent], 2013, no.1, pp. 7–23. In Russian.
- Kostandi E. I.** Diskursivnye praktiki russkoi diaspory Estonii: yazykovye kontakty [Discursive practices of Russian diaspora of Estonia: language contacts]// Slovo.ru: Baltiiskii aktsent [Slovo.ru: Baltic accent], 2018, pp. 94–107. In Russian.
- Krongauz M. A.** Samouchitel' olbanskogo, 2013 [teach-yourself book of Albanian language]. URL: <http://bit.ly/2npdidk> (accessed 31 May 2017). In Russian.
- Külmoja I. P.** O vliyanii estonskogo yazyka na govory Zapadnogo Prichud'ya [On the influence of Estonian language on the dialects of the Western coasts of the lake Peipsi] *Ocherki po istorii i kul'ture staroverov Estonii I* [Essays on the history and culture of the Old Believers I], Tartu, University of Tartu Press Publ., 2004. pp. 155–159. In Russian.
- Külmoja I. P.** Rech' russkoi diaspory Estonii: tendentsii razvitiya [The speech of Russian diaspora of Estonia: tendencies and development] *Humaniora: Lingua Russica. Aktivnye protsessy v russkom yazyke diaspory i metropolii. Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Lingvistika XII.* [Humanities: Russian language. Active processes in the Russian language of diaspora and metropolis. Works on Russian and Slavic philology. Linguistics XII], Tartu, University of Tartu Press Publ., 2009. pp. 11–28. In Russian.
- Matras Y.** *Language contact*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2009. 384 p. In English.
- Nikolaeva Y. V.** Pereklyuchenie kodov v rechi sovremennoi russkoyazychnoi diaspory v Italii [Code switching in the speech of the contemporary Russian speaking diaspora of Italy] *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], 2014, no.3 (56), pp.104–107. In Russian.
- Norlusenyan V. S.** Inoyazychnye vkrapleniya: sovremennoe sostoyanie problemy [Foreign language insertion: current state of the problem] *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo* [Bulletin of Novgorod State University named after Yaroslav the Wise], 2010, no. 57, pp. 63–66. In Russian.
- Palikova O. N.** Neofitsial'naya geograficheskaya leksika kak lingvisticheskii priznak territorial'noi obshchnosti lyudei (na materiale gorodskogo slenga i ostrovnogo govora) [Non-official geographical lexicon as a linguistic and stylistic sign of territorial community of people (on the basis of city slang and island dialect)] *Acta*



*slavica estonica III. Slavica Tartuensia X. Slavistika v Estonii i za ego predelami* [Estonian slavic acts III. Tartu Slavistics X. Slavistics in Estonia and abroad], Tartu, University of Tartu Press, 2013. pp. 84–97. In Russian.

**Pilipenko G. P.** *Yazykovaya i etnokul'turnaya situatsiya voevodskikh vengrov: Vzgl'yad "iznutri" i "izvne"* [Linguistic and ethnocultural situation of Vojvodina's Hungarians: a look from the "inside" and from the "outside"], Moskow–Saint Petersburg, Nestor-Istoria Publ., 2017. 335 p. In Russian.

**Sokolova O.** *Russkaya neofitsial'naya urbanonimiya goroda Tartu* [Russian unofficial urban names of Tartu], Tartu, 2013 URL: <https://docplayer.ru/26849843-Russkaya-neofitsialnaya-urbanonimiya-goroda-tartu.html>. (Accessed 2 January 2019). In Russian.

**Superanskaya A. V.** *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of the proper name], Moskow, Nauka Publ., 1973. 224 p. In Russian.

**Superanskaya A. V.** Osnovnye linii toponimicheskoi nominatsii [The main lines of toponymic nomination] *Toponimika v regional'nykh geograficheskikh issledovaniyakh: tez. dokl. vsesoyuz. konf.* [Toponymics in the regional and geographical research: Abstracts of the All-union Conference], Moskow, MFGO Publ., 1984. pp. 12–15. In Russian.

**Superanskaya A. V.** *Chto takoe toponimika?* [What is toponymic]. Moskow, Nauka Publ. 1985. 185 p. In Russian.

**Vepreva I. T.** *Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu epokhu* [Language awareness in the post-Soviet era]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ., 2002. 380 p. In Russian.

**Verschik A.** Mixed copying in blogs: evidence from Estonian Russian language contact. *Journal of language contact*, 2016, no. 9. pp. 186–109. In English.

**Verschik A.** Metalinguistic comments and multilingual awareness: Estonian-Russian language contacts in Blogs. *Applied Linguistic Review*, 2017, no. 0049, pp. 1–27. In English.

Received 14.02.2019

**Alessandra Dezi,**

PhD student,

University of Tartu,

Lossi 3, Tartu, 50090, Estonia

e-mail: [alessandradezi@gmail.com](mailto:alessandradezi@gmail.com)